

Иван Онукран

Белый танец

«Тот самый конфликт - между человеком, задающим
вопросы, и молчанием мира»

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

по действию Болдерая

18+

Иван Онукран

Белый танец

<https://litres.ru/74113029>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нас выбросили в пустоту ещё до того, как у нас появилась возможность это осознать

Мы родились в месте без будущего. Серая работа серое небо над головой, серые люди с одинаковыми лицами и одинаковыми днями. Здесь всё давно решено

Нам оставалось лишь одно. Будучи подростками, мы нашли свой способ избегать внешнего мира

И с каждым побегом возвращение обратно становилось всё более чуждым, всё более ненормальным.

Содержание

Это история сучка

4

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Иван Онукран Белый танец

Это история сучка

Иван Онукран

Белый Танец

Тот самый конфликт — между человеком, задающим вопросы, и молчанием мира.

© Иван Онукран 2026

Все права защищены.

ISBN 978-9934-38-630-5

1

Предисловие

Эта книга не является призывом к употреблению психоактивных веществ, к саморазрушению, к отказу от помощи

или к каким-либо действиям, способным нанести вред читателю или окружающим.

Всё, что описано на этих страницах, — это личный опыт, размышления и субъективное восприятие автора, изложенные в

художественной форме. Любые состояния, события и переживания, упомянутые в тексте, не подаются как норма, рекомендация или

путь к истине. Они не обещают исцеления, прозрения или освобождения и не несут в себе скрытых наставлений.

Читателю важно понимать: любые психоактивные вещества

могут быть опасны для физического и психического здоровья, а их

употребление связано с серьёзными рисками. Книга не ставит своей

целью романтизацию таких состояний и не отрицает реальных

последствий, к которым они могут привести. В тексте присутствует

ненормативная лексика.

От автора

Если жизнь где-то в далеких глубинах космоса действительно

существует, то она может в корне отличаться от наших собственных

представлений о ней.

Где-то там может быть такой спектр эмоций и чувств, настолько сложный и многогранный, что его не просто невозможно

постичь нашим телом, но даже невозможно вообразить.

2

Часть 1. Момент, который поменял все

Зов приключений — Детство — Бог любит троицу — Кент с плазмой — Отказ от зова — Три мушкетёра

Белый танец — Преодоление первого порога — Путь домой — Жёлтые фонари — График

Глава 1

Вступление

Очередной пасмурный день. Дождь бьёт в окно, будто напрашивается внимания. Ветер гудит так, даже внутри слышна вся

его мощь. За окном осень, начало октября. Небо погрязло в серых

тучах, нет ни намёка на проблеск солнца — солнца, которое желал

бы увидеть наш протагонист, тепла которого так ему не хватает, особенно в последние дни его жизни. Это погода идеально

подходила для суицида.

Мысль о том, что всё можно закончить, странным образом обнадеживала его. Но сегодня пространство его головы заняла

другая зараза.

Эта самая «зараза», как он её называл, увела его подальше от

всех — в пустующую квартиру бабушки. Совершенно один, в

холодной комнате, окружённый воспоминаниями, он сторбился над

столом и медленно оглядывал комнату, в которой был уже сотни

раз.

С времён СССР ремонт там не делался. Старая мебель, обои с

узорами цветов и запах духоты. Каждый шаг отзывался резким

скрипом. Стоило остановиться и прислушаться — и тишина

становилась слишком плотной, почти живой.

3

В такие моменты невольно возникало чувство, будто где-то

совсем рядом кто-то есть. Невидимый. Наблюдающий.

Часы за стеной отсчитывали время — тик... так... тик...

— и с

каждым звуком внутри нарастало тревожное ощущение, будто ты

медленно приближаешься к чему-то, от чего уже не уйти.

Но нашего героя не останавливают такие условия — всё же

лучше, чем дома. Дома, где нет ему места. Где никогда не бывает

спокойно. Среди людей, которых он должен называть семьёй.

Желание написать книгу преследует его давно. Он точно не

знает, про что она будет, с каким финалом и в каком жанре. Но ему

подсказывает что-то: стоит просто начать, сделать первый шаг. Его

гнетет столько накопившихся мыслей, столько желания оставить

хоть что-то после себя, что отсутствие идеи не станет преградой. Он

решается всё же попробовать.

Для написания он использует старый, дешёвый ноутбук.

Открыв его, он включает нужную программу и начинает вводить

свои первые слова. Вскоре пальцы стучат по клавишам, лишь иногда прерываясь, чтобы обдумать, как бы красочнее и оригинальнее написать ту или иную строчку. Написав вступление, он не знает, как продолжить свой рассказ. Ему приходит множество мыслей, но ни одна не может подсказать, с чего бы лучше начать, как бы лучше продолжить.

Глава 2

Детство

Заранее хочу предостеречь, что эта глава не обязательна к прочтению, однако я всё же придерживаюсь мнения, что этот фрагмент не будет лишним и даст некоторое представление обо мне.

4

Детство — это тот период жизни, когда в тебе формируются корни. Детство формирует тебя как личность, формирует

твои

приоритеты, поведение и те черты характера, которые в дальнейшем

станут твоими основными. Те самые черты, которые будут

помогать и мешать тебе всю твою дальнейшую жизнь. Но кто всё

это формирует? Люди, чаще всего окружающие тебя, и конечно, в

детстве больше всего тебя окружают родители. Родители — пример

для ребёнка, пример для подражания. Смотря на родителей, ребёнок

формирует своё представление о жизни. Что насчёт моих родителей? Прежде чем винить их в чём-либо, давайте взглянем

глубже и узнаем немного об их детстве. Ведь каким эгоистом я бы

ни был, а всё-таки человек рассудительный и понимаю, что за

определённым человеком стоят ещё более определённые люди, которые сделали его тем, кем он является.

Безусловно, искать первопричину этого бесконечного и замкнутого круга говна, из-за которого дети и их родители не ладят

между собой, не только бессмысленно, но и невозможно.

Кто был

первым, кто запустил эту цепочку ненависти друг к другу, передающуюся по наследству, несколько поколений? Все мы

—
искажённые отражения наших неудавшихся родителей, плоды, выращённые на почве сломанных жизней, с заранее известной

судьбой.

Мои родители — часть моей жизни, к которой я возвращался в

мыслях снова и снова. Такие черты характера, как эгоизм и

самолюбие, передались мне именно от них. Иногда меня тревожит

схожесть с ними. Начать стоит с особо почитаемой персоны среди

самых запоздалых в развитии — моего отца.

Мой отец всегда виделся мне как такой большой и упитанный, лысый карапуз, как третий умственно отсталый брат. Такой

карикатурный простофиля — идиот. Вообще, моего отца можно

5

охарактеризовать как обычного, ничем не примечательно-

го, среднестатистического ребёнка СССР, с промытыми пропагандой

мозгами. То, как ему в детстве говорили — в то он непреклонно и

свято верит всю свою жизнь. Консервативный комуняка. Верный

работник завода с достойным сроком службы в более двадцати лет.

Его жизнь стабильна, и самое главное — что его такая жизнь

устраивает. На чём можно было бы и закончить, но я всё же

продолжу. Всё, чего он добился в жизни, — это квартира, на

которую он сам заработал, накопил и чем очень гордится. Квартира, в которой он в конечном итоге и сгниёт, окончательно отупев. Ну и

конечно же, при рассказе о себе он не забудет упомянуть о том, что

у него есть аж целых три сына. Правда, забудет упомянуть, что

заниматься воспитанием этих самых детей он, конечно же, не счёл

важным. А ещё он не сочтёт важным то, что в двухкомнатной

квартире, в которой, собственно говоря, мы всей нашей

дружной

семейкой и уютимся, на себя он решил выделить целую комнату.

Мой отец — человек без хобби, поэтому, когда он не работает, у него куча свободного времени, и заняться ему нечем.

В свободное

от работы время он лежит на диване и повышает свой интеллектуальный багаж, втыкая в телевизор. Изредка он заходит в

комнату к нам, чтобы как-то привлечь внимание к своей персоне.

Мой отец был единственным ребёнком в семье, без братьев или

сестёр. Детство моего отца проходило здесь же, в Латвии, в том же

районе, в котором проходило и моё детство. Он ходил в ту же

школу, в которую хожу я, и гулял по тем же местам, по которым

гуляю я.

Время было такое, что развлечений особо не было, поэтому он

очень любил читать и уже с детства многое прочёл. Сейчас у него

большая библиотека, которую он каждый раз с гордостью показывает гостям. Но, несмотря на всё то большое коли-

которое он прочёл, ума у него не добавилось, насколько бы он ни

заблуждался в этом.

Имя моему отцу дали Роман. Как я говорил ранее, детство у

него было не лучшим. Его мать трудилась на работе, пока его отец, мой дед, убивал себя алкоголем, наплевав на всё. С отцом у Романа

отношения были, мягко говоря, не очень. В детстве я часто бывал у

бабушки с дедушкой и сам множество раз видел, как дед уходил в

запой. Бывало, он возвращался домой с побитым лицом — и это в

пожилом-то возрасте. Мне доводилось лицезреть его в гневе под

алкоголем, и ни раз он пугал меня своим поведением. Но всё же

моего деда любили, и помер он в кругу семьи. Вот такое было

детство моего отца. Рос он без должного воспитания, в атмосфере

пьянства и ругани. Оттого и вырос таким невыносимым. Не его вина

в этом, как и не моя — в том, каким стал я. Но проблемы остаются у

каждого, вне зависимости от вины, а решать их только нам самим.

Моя мать... наверное, стоит признать, что она сильная, хоть и

глупая женщина. Может, была бы она чуть посообразительнее — не

пришлось бы прикладывать столько усилий. Отца она не превзошла.

Единственное, что её отличает — так это её вредная черта характера: винить во всех бедах всех, но не себя.

Работает моя мать в магазине, расставляет товары по полкам

— так же, как и мой отец, всю жизнь на одном месте. Всю несчастливую и недовольную жизнь. Подружек у моей мамы

немного, поэтому она решила сделать себе подружку из моего

младшего дефективного брата Егора.

Про детство матери мне известно значительно меньше, да и

мать у меня такая, что любит приукрасить, но всё-таки будет

несправедливо не упомянуть и её детство. Моя мать родилась в

России, но прожила она там совсем мало, и оттуда почти ничего не

7

помнит, потому что в раннем возрасте, по неизвестным мне

причинам, она переехала в Латвию.

Про отца моей матери мне ничего не известно, но её мать я

могу попытаться хоть немного описать. Её мать была женщиной, которая вела разгульный образ жизни: спала с любимыми мужиками, пила и курила, о воспитании дочери не заботилась совсем. Именно

по этим причинам почти вся ответственность за воспитание моей

матери перенеслась на её бабушку и дедушку. Как она сама говорит, бабушка и дедушка у неё были хорошие, заменили ей родителей. Я

не знаю, сколько точно у моей матери было сестёр или братьев.

Знаю только про одного её брата. Не помню точно, как его звали, но

если память мне не изменяет — его имя Саша, Александр.

Саша — необычный парень, он с психическими отклонениями.

Как-то раз я с родителями поехал навестить Сашу в место вроде психбольницы или что-то наподобие этого. В общем, местечко страшное — все ходят там как зомби, скорее всего из-за транков, которые им там выписывают. Когда ты туда заходишь, всё внимание пациентов только на тебя. Не знаю, как работники там с ума не сходят — я просто боялся спиной к ним поворачиваться, а они там ходили как ни в чём не бывало. Есть там и вообще обезумевшие, а есть просто с отклонениями — такие, как брат моей матери Саша.

Мою мать зовут Ольга. Она решила оставить свою фамилию, когда вступала в брак с Романом.

В общих чертах жизнь моих родителей идёт по течению — как есть, так и есть, на всё воля бога. Они ничего не добились, жалеют о своих выборах и просто существуют, боясь умереть.

Брак моих родителей тоже нельзя назвать счастливым. Да что уж там — их брак едва ли браком назовёшь. Мой отец с моей

матерью всегда как кошка с собакой. Они даже спят по разным комнатам и кроватям. Сколько себя помню — ссоры и ругань были

8

постоянной атмосферой нашего дома. Я не знаю, в каком возрасте

они поженились, но знаю, что они были вместе ещё тогда, когда

моему отцу было двадцать, а моей матери шестнадцать. Не могу

представить, что когда-то эти люди, будучи молодыми и пылкими

юношами, испытывали к друг другу что-то, что принято именовать

любовью. Однако знаю, что их брак не распался, да и не распадется

по двум причинам — и причины эти далеко не потому, что они всё

равно друг друга любят.

Первая причина — моему отцу просто лень искать себе новую

служанку.

А вторая причина — моей матери просто не хватает

уверенности. Она знает, что не проживёт на те деньги, которые
получает от работы в магазине. Их неприязнь друг к другу
—
картина, которую я наблюдаю всю свою жизнь. Картина,
из-за
которой мне и не верится в другую модель семьи.
Вспоминая сейчас своё детство и себя рядом с ними, не
могу
вспомнить, чтобы я хоть когда-то любил одного из них
или
испытывал тёплые чувства. Я чувствовал долг быть любя-
щим
сыном, но по-настоящему такого никогда не было. За них
я
чувствовал только стыд, жалость и разочарование. Но пе-
ред
другими я должен был притворяться — другие дети лю-
били свои
семьи. Детство моих родителей было дерьмовым, их вос-
питанием
никто не занимался, да и время было такое — никто особо
ни о чём
не задумывался, оттого они и выросли такими инфантиль-
ными.
Был момент в моём детстве, когда я пытался принять их

такими, какие они есть. Но, как говорится, родителей не выбираешь

— и это не значит, что их должно любить. Я отрезал их от себя

совсем, огородился молчанием как Великой Китайской стеной, и

меня это никак не беспокоит.

9

У меня множество воспоминаний со своей семьёй, и когда я

задумался, какие из них позитивные — у меня в голове почему-то

всегда всплывает лишь одно. О, это сладко-радостное воспоминание, когда я ещё наивный ребёнок, лет шести, когда ещё

не совершил никаких ошибок, моя совесть и душа не тронуты и

сияют девственной чистотой. Улыбка на моём лице шире, чем у

любого другого человека на этой планете — эта беззаботная жизнь.

Это было осенью, когда уже все листья пожелтели, почти все

опали, и страницы календаря так и ждут, когда их пере-

вернут на

зимние месяцы. Я иду со своей семьёй — вдоль дорог кучи листьев, собранные трудолюбивыми дворниками, справа от меня отец, а

слева мама, я иду между ними и беру их за руки. И они, держа меня

за руки и отсчитывая до трёх, подбрасывают, потом отпускают и

снова. Чувство невесомости так захватывает. У меня улыбка на

лице, и я далёк от тягостного дара человека — слышать собственную мысль.

Вот такие они, мои родители — люди, которые сделали меня

сильнее, хоть и сами не приложили к этому никакого усилия, и

люди, на которых мне наплевать так же, как на случайного прохожего.

Довольно говорить про детство моих родителей — теперь следует и представиться автору. Я родился в стране Латвия, как вы, наверное, уже могли догадаться, в городе под названием Рига. Имя

мне выбрали — Иван. В детстве мне не нравилось моё имя, но

сейчас с этим проблем нет. Я был глупым ребёнком — из всех детей

в своём садике я был последний, кто научился читать, писать и считать. С детства я отличался молчаливостью, не любил попусту разглагольствовать и старался держать всё при себе. Я стонился людей, выбирая комфорт одиночества. Всю жизнь я ощущал своё отличие от других. Всю жизнь мне приходилось быть отшельником.

10

Я рос не один — у меня есть два брата: старший и младший. Я, очевидно, средний. В детстве мы не были дружными братьями, и сейчас особо ничего не изменилось. В детстве, как это часто и бывает, старший брат издевается над младшим. У нас же старший брат издевается над средним, но вдобавок к старшему был младший, которому доставляло немало удовольствия принимать в этом участие. Для них это было игрой. Для меня соревнованием.

Я получал и от старшего — просто потому что он был сильнее, и от матери, которая ругала меня, когда я пытался поставить

младшего на место. В детстве я много бунтовал, по поводу этого, но

всегда безрезультатно.

Помимо меня и двух моих братьев, у нас в семье был ещё один

ребёнок. Я имею в виду своего инфантильного отца, который не

пропускал случая, как-то поизмываться надо мной вместе с моими

братьями.

Когда же я пытался обращаться к маме за помощью, она всегда

говорила мне один-единственный совет: «Не обращай внимания, сынок». Маленьким я пренебрегал этим советом, в более старшем же

возрасте, когда я понял, что это очень даже дельный совет, я начал

применять его вообще на всю свою семью. Моей матери это почему-то больше всего не понравилось. Короче говоря, отношения с семьёй

у меня всегда были всратые. Я был отшельником. Ни в коем случае

я не давлю на жалость. Это то место, где плетутся корни

моего

характера.

В детстве у меня не было своей комнаты. Уйти от этого хаоса

и постоянного шума я мог только на улицу, что я часто и делал. Я, как и все дети, любил гулять. Я каждый день гулял, пока домой не

загоняли. мог целый день ничего не кушать, не пить — лишь бы

побольше погулять.

11

Всегда приходил с улицы с грязными руками, в ранах, и всё

равно — полон энергии. Двор у меня был небольшой, из развлечений — старая, убогая площадка и такие же качели, помимо

игр, придуманных нами.

В отличие от других детей, я никогда не любил футбол и машины — не понимал, почему эти две вещи так сильно могут

увлекать. У меня была своя компания друзей, почти все они были

старше меня. Но ни их, ни меня это нисколько не смущало. Мы всё

время играли в разные игры всем двором. Из самых частых — это, догонялки, казаки-разбойники и прятки.

И, конечно, из основных занятий, помимо игр, было строительство всяческих баз, шалашей. Мне нравилось строить

базы. Базы мы строили из всего, что под руку попадало — часто это

была какая-то выброшенная мебель. Нам ни капли не было стыдно

лазить по помойкам. Я со своим тогдашним лучшим другом

постоянно где-нибудь что-нибудь придумывал и строил, и конечно

— всегда наша фантазия добавляла нам интереса. Но наши базы не

нравились местным дворникам. Благодаря нам дворникам добавлялось больше работы.

Вообще, про детство можно говорить много и долго, но, как

вы поняли, детство у меня было таким же, как и у большинства

детей. Я был простым худощавым мальчиком невысокого роста, любил гулять, кататься на велосипеде и проводить время с друзьями

— ничего примечательного.

Как среди таких безответственных родителей во мне раз-

вилось

сознание — я, честно говоря, не знаю. Если жизнь — это череда

случайностей, а жизнь — это именно череда случайностей, то мне

одновременно и свезло, и напортачило. Ведь у меня получилось

отделиться от них. При этом, должно быть, это отделяет меня и

вообще от людей.

12

Но всё-таки что-то во мне бушевало с самого детства. Была у

меня одна особо назойливая мысль — и она со временем превратилась в мою самую большую ошибку и проблему, которую я

уже, наверное, не смогу никогда решить. Эта мысль — как проклятие. И тут мы переносимся напрямую к основному сюжету.

Глава 3

Как пришел к этому

Всю жизнь я отмалчивался. Но на страницах этой книги

остались самые сокровенные уголки моей души — даже если я

сам не до конца понимаю, для кого оставил их здесь и зачем. Я

чувствую, что в том, что со мной произошло, есть нечто особенное, и я не могу больше держать это в себе. Я хочу рассказать вам историю, которая случилась со мной и моими

товарищами.

За последний год со мной многое произошло, да и продолжает происходить. Мне пятнадцать лет, и я зависим от

наркотиков. Когда мне пришло осознание этого факта, в груди, как пламя, начал разгораться неизвестный страх. Я всё ещё

продолжаю бороться с зависимостью и чувствую, что ещё могу спастись. Я не пробовал всякую дрянь по типу крека или

героина, вообще, список веществ, которые я попробовал, не

такой уж и большой. Я не живу как в книге «*Низший пилотаж*», но уже потерял ценность жизни и продолжаю терять что-то ещё. Шальные мыслишки, вызванные грязью в

моём мозге, неумолимо сводят меня с ума каждый день.

Во мне ещё осталось что-то. Я даже не знаю, как это назвать. Что-то первородное, что есть в каждом человеке

и

живёт в нём до самого конца. Что-то чистое и настоящее.

Но неоспорим тот факт, что всё рано или поздно заканчивается. Вопрос лишь в том, что закончится быстрее?

рее?

Ещё раз: мне пятнадцать лет, я зависим от наркотиков и мне кажется, что единственный способ избавиться от этого

го

изъяна — это покончить с собой. Как это произошло? Да,

наверное, как и у всех наркоманов обычно происходит —

хотел попробовать что-то новое, повеселиться. Я с детства

интересовался наркотиками. В моём представлении это

было

как нечто волшебное, как запретный плод — так и маня-

щий, чтобы его сорвали. Я не сомневался, что обязательно

когда-нибудь попробую его.

Возможно, всё пошло не так в тот момент, когда в

сознании маленького меня впервые появился этот интерес

и

возник вопрос: «А почему бы и мне не попробовать?» Как

бы

то ни было, я пришёл к тому, к чему пришёл, и мне этого

уже

никак не исправить. Эта болезнь — со мной на всю жизнь,

и

как обычную опухоль вырезать её мне никак не удастся.

Так

как же я всё-таки пришёл к этому?

Моя история берёт своё начало двадцать седьмого января две тысячи восьмого года, когда я родился. Но первые настоящие шаги в ней я сделал только спустя тринадцать

лет.

Впервые я попробовал вещество в этом возрасте. Тогда

мне

многого не нужно было. Я любил гулять, и проводить вре-

мя с

друзьями. Нас было четверо — наша неизменная компа-

ния, с

которой мы и прошли через этот не заурядный путь —

полный

14

опасных экспериментов и попыток попробовать запрет-

ное.

Ничего необычного, но я бы никогда не подумал, что уже в четырнадцать лет моя жизнь поменяется на до и после. Но

в то

время моя голова ещё была пуста, а жизнь — неоценимо прекрасна.

Это было летом на одной из постоянных прогулок, к одному моему другу пришла мысль, а почему бы нам не попробовать выпить. Мы как-то внезапно заговорили об

этом

просто один из нас неожиданно предложил попробовать,

я

подхватил эту идею и начал с энтузиазмом обсуждать как

это

будет происходить. Тогда у меня часто случались ночевки,

на

которых кроме обычных разговоров, особо ничего не случалось. Так что каждый из нас был не прочь как-то разнообразить

время

препровождение,

и

на

славу

повеселиться. Мы долго спорили, и не могли решиться

сколько алкоголя нам надо, и что это вообще будут за на-

питки.

В итоге нашего разговора мы пришли к следующему решению, достанет нам все один наш знакомый, а что лучше покупать

мы у него и посоветуемся.

Время шло приближалась мной так долгожданная дата.

Мы купили напитки и о боже... Выбор оказался ужасен,

мы

купили дешевое блевотное пиво, пару бутылок шампанского и

вина. Пить их было совсем не приятно, и градусов было очень

мало, но дело было сделано. Помнится мне, что в тот день ни у

кого особого желания пить не было, за исключением меня.

И

меня поначалу очень огорчало, что ребята не блещут осо-

бым

желанием выпить, но, конечно, в итоге каждый из нас напился.

Как я уже говорил, нам было всего тринадцать, и выпили

мы

15

немного, но нам этого было достаточно, чтобы вести себя как

полные дурачки.

За тот вечер ни чего особого не произошло, мы просто хорошо провели ту ночь, позвали девочек, хоть и не самых

красивых, но все же. Пошли гулять и получили отличней-
ший

опыт первого похмелья. Каждый из нас на утро чувство-
вал

себя отвратительно мы все блевали и у нас болела голова.
Это

было мое первое знакомство с наркотиком, не стоит
недооценивать алкоголь он так же отупляет делает тебя
зависимым и убивает, как и все остальные наркотики,
просто

он легален. После того раза у меня еще возникало жела-
ния и

мысли повторить, но все-таки это долго не происходило.
Друзья мои были иного мнения. Поэтому я держал свои
мысли

при себе, не желая выделяться. Но, скажем так, в первый
раз

меня пронесло, и я мог спокойно жить, получая удоволь-
ствие

всё от тех же привычных прогулок. Но, как говорится, Бог
любит трицу, поэтому впереди ещё два случая моего
знакомства с веществами.

Я часто вспоминаю себя до зависимости, до сих пор не
укладывается в голове, как всё способно так резко изме-
ниться

— в одно мгновение. Казалось, ещё вчера ты интересу-

ешься

чем-то, чего-то пытаешься достичь, а теперь — только желание уйти в иную реальность, твоя единственная и главная

цель. А из интересов — попробовать что-то новое из вещей.

Жизнь становится бессмысленной и однообразной. На уме

лишь одно. Ежедневно я просыпаюсь и засыпаю с одной только мыслью: я хочу ещё. Это ненасытное желание.

Каждый

16

мой день — это новая борьба. И самое страшное — что на поле боя, кроме меня, нет союзников.

Тебе никто не поможет, даже если будет хотеть этого.

Тебе придётся уповать на единственного человека, способного

справиться с этим — себя же самого. Ты один на один.

Ты —

свой враг и свой шанс. Ты — тот, кто сводит себя с ума.

Либо

ты выдержишь, либо всё опять по новой. В жизни каждого человека бывают проблемы, но он может попросить у ко-

го-то

помощи, взять перерыв или другим способом справиться
с

этим. Но с помощью чего ты справишься с желанием при-
нять?

Тут уж инструмента не найдёшь.

Кроме химического дофамина мне уже ничего не
доставляет удовольствие. Когда-то я получал кайф от му-
зыки, у меня была настоящая мечта — стать музыкантом,
выступать

перед публикой, выходить на сцену под яростно громкие
аплодисменты слушателей. Чтобы твоё имя торжественно
орали в микрофон на весь зал.

Но тот иной мир со всем своим изобилием чувств и
удовольствий забирает всё, концентрируя твои мысли
лишь

только на себе. Они поглощают тебя, как поглотила бы
чёрная

дыра, окажись ты в космосе. Вкус жизни теряется — в
бесконечно тупом наркотическом угаре. Внешний мир
становится скучным для того, чтобы быть.

Несмотря на то, что зависимым я стал чуть больше года
назад, мне не избавиться от ощущения, что это ноша со
мною

уже всю мою жизнь. Кажется, что так было всегда. Что
находиться в состоянии непрерывного желания — это
естественно.

Я не воспринимал зависимость как что-то серьёзное, неотвратимое. Больше вам скажу — я много шутил про это.

Я

ведь и не был зависим от чего-то, не мог понять, какого это.

Ведь всего разок — вроде бы ничего не произойдёт, да? К сожалению, я прекрасно осознаю тот факт, что слова «не надо»

никогда ещё никого не смогли уберечь. И даже наоборот —

вызывают в человеке ещё большую любознательность. Не попробуешь — не узнаешь. Но дам вам очень дельный совет, которым я, к сожалению, не воспользовался: не стоит это того.

В жизни бывают такие этапы, когда ты просто должен сказать

«нет». Попробовав всего один раз, ты рискуешь навсегда потерять божественную свободу полёта мысли — ту самую, что делала тебя живым.

Второй случай, когда я мог стать зависимым, но по счастливой случайности не стал, произошёл со мной снова

летом, уже в четырнадцатилетнем возрасте. Это было в

середине, а то и в конце августа. Голова к тому времени уже

напрочь была забита мыслями о школе — впереди был восьмой класс. Всё произошло в очередной раз на ночёвке, но

не у меня, а у моего друга. Помнится, он немало разглагольствовал о том, что мы все просто обязаны пойти на

эту ночёвку, что у него есть какой-то сюрприз, который приятно удивит нас. Этот же сюрприз, в недалеком будущем, здорово подпортит мне мой бедный рассудок. Это была марихуана, или же каннабис, в простонародье: бошки, шишки, шмаль.

Когда мы притопали к нашему товарищу, мы особо и не донимали его, что же это за сюрприз. Но вот настал момент, 18

когда он собрался поведать нам, что же такого скрывается у

него под столом. Один за другим, мы все дружно, прошагали

внутрь комнаты, и перед тем, как показать то, ради чего мы и

собрались, он ещё немного поиграл на нашем любопытстве.

Когда кульминационный момент наконец настал, поче-

му-то

никто из нас не проявил особого восторга.

Мы все думали когда-то попробовать, но никто не проявлял особой инициативы. Хоть каждый и понимал,

что в

любую секунду один человек может нам что-либо достать,

мы

не планировали. Меня посещали мысли, но я скорее фантазировал о том, что когда-то это точно случится. Так

вот, достав вполне опрятный косячело и заметив нашу реакцию —

а вернее, её отсутствие — он слегка разочаровался. Никто

из

нас ни капли не был удивлён. Честно сказать, не знаю почему, но я как будто бы был готов к этому.

И вот он сидит на стуле, напротив — мы. Он спрашивает: «Ну что, будем?» — а мы в ответ синхронно киваем, сверкая улыбками. Помню мои мысли в тот момент: я

думал, а не рано ли это, и точно ли мне стоит пробовать. В

моей голове было множество сомнений, но абсолютно точно я

знал, что всё уже решил для себя, и оставалось только предвкушение.

По неопытности своей мы курили прямо в квартире. Я включил песню *Because I Got High*, мой друг поджёг косяк,

и

мы начали передавать его по кругу. Он был смешан с табакoм, чтобы нам было легче курить, но трудностей с курением ни у

кого не возникло. Дело было в том, что никто из нас на тот момент не курил, и мы не знали, как правильно это делать.

19

Казалось бы, что сложного: затянулся и выдохнул. Но мы не

знали, что надо брать в затяг. Мы все затягивались и почти моментально выдыхали. По этим причинам, очевидно, никого

из нас и не накрыло. Ситуация вышла забавной.

Я был очень расстроен такой досадной ошибкой и старался не подавать виду. Когда мы докурили и узнали, в чём

причина того, что мы ничего не почувствовали, мой друг предложил пойти добить остаток, но в этот раз я отказался

— решил, что всё же не стоит усердствовать. После второй попытки покурить он всё же что-то почувствовал, но не так

сильно, как должно было быть. Он ещё немного поговорил

с

нами, рассказал о своих ощущениях и в скором времени отправился спать. Так как в ту ночь мы ничего не планировали, а сюрприз не удался, ничего, кроме того, чтобы

пойти спать, мы придумать не смогли. Вот так прошла эта ночь.

Наутро я решил прогуглить эффекты травы, её влияние и прочее. Когда я стал искать информацию, лишь одно меня напугало — ни рак лёгких, ни грязные зубы, ни даже зависимость. Меня напугало лишь то, что трава отупляет.

Почти единственное, что меня потом сдерживало от употребления, так это только боязнь того, что я не замечу

эту неуловимую метаморфозу своего интеллекта. Я прочитал много статей, что достаточно покурить всего 2–3 раза — и такие последствия, как глупость, будут с тобой всю жизнь.

Наверное, если бы это и в правду так было, я бы неизбежно

стал аутистом. Но кое-что я знал наверняка: ещё придёт мой

20

момент, и я исправлю сегодняшнюю ошибку, покурив с достоинством.

Следующий случай, о котором я расскажу, уже не

обошёл меня стороной. Он дал прочувствовать всё — сполна.

Этот день поменял мою жизнь на «до» и «после». Осколок моей души откололся безвозвратно. Это была точка невозврата, момент пробуждения. Всё, что было до него, теперь казалось мутным сном.

Это произошло год назад. Я даже помню точные даты — с вечера пятницы, 14 октября, на утро субботы, 15-го. 2022

год. После того дня, когда мы неудачно покурили травку, мы

начали планировать следующий раз. Лето закончилось, началась школа — а значит, и скучные, плоские дни, которые хотелось как-то раскрасить.

Помню, как за пару недель до той самой ночёвки, на которой мы всё и спланировали, мы вышли втроём: я, мой друг

и еще один товарищ.

На самом деле мои друзья будут часто появляться здесь — по мере повествования дальнейших событий. А посему пора уже назвать их имена. Уже во время редактуры, когда до

всех начало доходить, к чему может привести публикация этой

книги — особенно в нашем тесном районе — они решили не

называть настоящих имён. Их имена мне придется заметить на псевдонимы, выбранные ими же. Такие персонажи, как Якурилкин, Гена-На и — назовём его Степан, будут сопровождать большинство моих воспоминаний. Мы дружим с детства. Вместе росли, влияли друг на друга и впервые пробовали всякую дрянь — тоже вместе.

21

Так вот, ближе к основным событиям: я, мой друг Степан и наш общий союзник, назовем его Дядей, вышли прогуляться и заодно обсудить предстоящую ночёвку. Просто ходили и разговаривали. Я решил пойти дальше и попробовать что-то новое, поэтому обратился за советом прямо к Дяде. Он заинтересовался, какие эффекты я ожидаю от наркотика. В этом плане я всегда знал, чего хочу — меня привлекают две вещи: психоделики или что-то, что вставляет, как героин, но не героин. Мы долго бродили, расспрашивая его, а он поочерёдно отвечал, подобно великому Заратустре. В

итоге он

предложил мне «колёса». Я не знал, что это такое. Он объяснил: «Колёса — это экстази». Когда я услышал слово экстази, это мне уже что-то, давало понять. Название знакомое

думал я. Я открыл интернет и мельком просмотрел что это и

как это влияет на человека в целом. Разузнав немного о веществе поподробнее, я решил согласиться с его предложением и купить экстази. Товарищ, мой Степан, решил

предпочтениям не изменять и снова покурить травы. Траву нам продавал местный барыга — с этим проблем не было. А вот колёса нужно было искать в телеграм-каналах.

В общем, мы решили, что раз до ночёвки всё равно две недели, покупать сейчас ничего не будем. Обсудив наконец вдоволь

намеченный вечер, мы продолжили прогулку.

Я отлично помню тот день и те странные чувства внутри себя. Помню, как сначала говорили о планах на ночёвку, потом

— о жизни, и в итоге — о том, что каждый из нас обязательно

чего-то добьётся, потому что иначе жить мы просто не желаем.

Погода была весьма ветреной, луна — большая и жёлтая, а мои представления о том вечере в корни отличались от того, как всё произошло на самом деле.

Довольно. Переместимся наконец к дню X — это была пятница, и нам предстояло ещё целый день отучиться в школе.

О планах на эту ночёвку Гена узнал именно в тот день, когда

она и должна была состояться. Он, конечно, не ожидал такого

поворота событий.

— Сегодня? — спросил он.

— Да, — ответил я.

Он потёр подбородок.

— А как они?

— Дядя сказал, должны вмазать.

— Сильно?

— Достаточно.

— Ну... — он сделал задумчивое лицо и через секунду разразился словами:

— Похуй, давай.

Он тоже вписался, поддержав меня и согласившись на колёса.

В тот день я каждые пять минут поглядывал на часы, ожидая конца уроков. Было забавно — не парясь, разговаривать об этом прямо на уроках, наблюдая за реакцией

Степана. Он бесился, что другие вдруг узнают, какие мы негодяи и чем собираемся заниматься.

Дядя, к слову, оказался слегка безответственным, и поэтому всё пришлось покупать именно в тот день. После школы я встретился с ним, и мы ещё раз тщательно обсудили

23

план — я не хотел, чтобы что-то пошло не так. Он должен был

купить четыре таблетки и сообщил, что нам очень повезло —

таблетки были сильные, около четырёмсот с чем-то мг. Тогда я

не знал, насколько это серьёзно, но сейчас понимаю, что даже

в свой самый фикальный период я бы не отважился попробовать такое. Удостоверившись, что всё в порядке, я со

спокойной душой отправился наконец домой.

От безделья я уже собирался лечь поспать, как вдруг мне позвонил Дядя. Сначала он немного поспрашивал о вся-

ком, а

потом перешёл к теме сегодняшнего вечера. В конце разговора

он поинтересовался, не хочу ли я поехать за товаром. Мне было любопытно — хотелось узнать, как происходит этот процесс на самом деле. Я согласился. Начал собираться.

Взял

всё необходимое сразу, ведь знал, что домой уже не вернусь.

Решил прихватить и свой синтезатор, сунул его в коробку.

Купил его в августе и на тот момент умел играть лишь одну

песню. И то выучил её не по нотам, а по ролику на YouTube.

Но мне уже не терпелось продемонстрировать друзьям свои

музыкальные таланты.

Дядя встретил меня с улыбкой. С коробкой я, конечно, выглядел забавно. Мы пожали друг другу руки, и он сразу начал вводить меня в курс дела: предстояло ехать в центр.

Узнав это, я слегка огорчился — тащиться с этой коробкой в

общественном транспорте мне совсем не улыбалось. Но деваться было некуда — поехали. Там мы должны были встретиться с ещё одним человеком, дабы он нам и купил. Встретившись с ним — его зовут Артур — он первым де-

ЛОМ

спросил меня. — Зачем ты взял с собой плазму? В тот день, 24

кажется, каждый, кого мы встречали, задавал мне один и тот

же вопрос: зачем я притащил с собой плазму? Среди местных

наркоманов я стремительно завоёвывал репутацию «кента с

плазмой». Моя коробка привлекала внимание.

Сперва мы пошли к кофейному аппарату, чтобы он взял себе кофе. Артур много разговаривал с Дядей, и у меня сложилось впечатление, что они хорошие, давние друзья. Затем мы отправились на центральную площадь около торгового центра «Ориго». И вот уже там мы стали ждать, пока Артур всё сделает.

Я сразу уселся на скамейку, рядом поставил свой синтезатор и впал в глубокие размышления — о правильности

сегодняшнего поступка и нравственной бедности, как и бедности материальной, которая не могла спрятаться от взгляда даже самого равнодушного человека. Я наблюдал древнюю, как жизнь, картину: отвергнутые люди — миром и самими собой.

Передо мной мелькали маленькие, юркие цыганята, которые бегали туда-сюда с сигаретами в своих миниатюрных детских ручках. Бомжи, алкоголики и их дешёвые проводницы. Женщины, утратившие всю свою красоту и достоинство, но всё ещё женщины, сердца которых не будут

безразличны к тёплым словам со стороны противоположного

пола, всё ещё нежные внутри. Я смотрел на всё это — и что-то

в моём сегодняшнем действии казалось мне неправильным.

Мне было совестно. Это были обречённые на своё безысходное положение люди. Повторюсь — люди. И то, что у

всех это было на обозрении, не давало мне покоя. Я собирался

25

упороться тем вечером — так легкомысленно и просто. То, что

окружало меня, было слишком далеко от моих собственных

желаний и представлений. Это было сложнее.

Мы просидели там около сорока минут, в ожидании

звонка от Артура. Всё это время я не отрывал взгляда от местной фауны. Если долго смотреть в бездну, то бездна начнет смотреть в тебя. Наконец Артур позвонил. Мы договорились встретиться в Ориго, и направились туда. Встретив его, мы молча поднялись на второй этаж и ото-

шли в

закоулок. Там, встав в тесный круг, мы ждали, пока он достанет предмет, сегодняшней суматохи. Вскоре в центр вытянулась рука, в ладони — таблетки серого цвета. Он держал их, как драгоценные камни, нечто сакральное и тайное.

В его лице было странное благоговение.

Мы молча смотрели на них. Дядя усмехнулся:

— Норм тема — в четырнадцать колёса хавать? Артур сперва

удивился, а потом, оклемавшись от услышанного, ответил: —

Я и сам в четырнадцать впервые попробовал. Меня несколько

смutilа их реакция. Особенно — реакция Дяди. Он ведь сам

предложил именно этот выбор. Но я решил не заострять на

этом внимания, ведь твёрдо решил для себя: сегодня я точно

попробую их.

Когда я вызвался составить компанию Дяде, в моей наивной голове покупка наркотиков выглядела слегка более

романтизированной, чем то, как всё произошло на деле. На

деле это оказалась та ещё тягомотина. Но осталась финальная

точка: мы ждали автобус до квартиры Степана. До большого

взрыва оставалось несколько часов.

26

Наконец, приехав, мне надо было дожидаться последнего звонка от мамы. Она позвонила, убедилась, что всё в порядке, и, завершив наш короткий разговор, я положил трубку. Ну всё,

— думал я, — теперь, спустя столько ожиданий, наконец настал этот момент.

Дядя сказал, что если снюхать таблетку, то возьмёт сильнее. Таким словам, я был только рад. Он раскрошил одну

таблетку и сделал из неё три ровные дорожки, потом скрутил

купюру и задал очевиднейший вопрос: кто первый?

Леса рук он не наблюдал. Я решил, что пусть лучше он

расскажет и покажет, как это лучше делать. После небольшой лекции он поднёс купюру и спокойно снюхал свою дорогу. Настал мой черёд. Я подошёл к столу, опустился на корточки и взял в руки уже почти культовую купюру. Я всё никак не мог решиться — неизвестный страх оберегал меня. Может, на подсознательном уровне я понимал, какими могут быть последствия. Моя рука дрожала. Передо мной — тонкая белая линия, выложенная заботливой рукой Дяди. Горизонт, за которым скрывается нечто, невообразимое для мозга — сама неизвестность. Перестав, наконец, томить всех своим ожиданием, я мужественно взял купюру, поднёс её к носу, наклонился над столом...

И не решился. Я выпрямился и заявил:
— Чё-то я волнуюсь. И хоть в бога я не верил и не верю, я решил перекреститься. — Давай уже, говорили мне. Я снова поднёс купюру к носу, наклонился, задумался...

— и в этот раз засадил сразу всю дорогу. Чувство — не очень приятное: в носу жжёт, а при вдохе — ещё и в горло попадает. Но, как говорили три мушкетёра, «один за всех и все

за одного» — всё снюхаем. Тут уж дело долга.

Сразу после этого мы начали глотать таблетки. Все одновременно, как по команде, мы закинулись и сели на диван, довольные, в ожидании эффекта. Он должен был наступить минут через тридцать. Но по ощущениям всё произошло мгновенно — по щелчку пальцев.

Я начал ходить по квартире из угла в угол, повторяя: — Как же это странно... Всё ускорялось. Речь становилась бессвязной. Мысли — обрывочными. Я вдруг почувствовал желание сыграть на синтезаторе. Подошёл, сел, и, начал бить по клавишам, что есть дури. Я играл быстро, почти автоматически, звуки разрывали барабанные перепонки, мне это очень нравилось.

Когда поток этих чувств стал невыносимым, я сел на кровать, сжал голову двумя руками, в попытках осмыслить это

неведомое доселе чувство. В голове что-то накапливалось, и, казалось, ещё чуть-чуть — и внутри произойдёт взрыв, выплеск какой-то энергии.

Дядя говорил, что я ловлю колпак, но мне не было страшно — я просто не знал, куда себя деть. В каком-то моменте Степан ушёл в другую комнату. Через время и я

пришёл к нему. Он лежал на кровати, и я лёг рядом. С
кровати

я больше в тот день так и не встал. Через несколько мгновений

после того, как я улёгся, шум в голове внезапно исчез. Я
умолк. Не помню, о чём тогда думал. Но это были, наверное, 28

единственные несколько секунд, когда мой рот не нёс всякую

чушь. Вся эта ситуация казалась мне настолько странной, что я

рассмеялся. А когда Степан начал спрашивать, почему я смеюсь, смех лишь стал интенсивнее. Вскоре в комнату зашли

остальные. Они смотрели на меня с недоумением — почему он

смеётся? Кто же знает, почему я смеюсь, — думал я в этот же

миг, не переставая хохотать и улыбаться. Смутно помню, как

события разворачивались далее, но после моего приступа смеха, наркотик начал действовать полностью.

Для справки: под экстази ты становишься очень тактильным — начинаешь любить всё и всех, жаждешь всех

обнять, а из твоего рта неустанно извергаются слова. Я человек молчаливый, стараюсь держать своё дерьмо при себе, но в тот день я много наговорил. Я многое высказал, я много

выплакал и всех переобнимал. Я просто не мог заткнуть свой рот.

Одновременно — с пересохшими губами и полным ртом слюней — я бесконтрольно извергал из себя слова. Я отдался

той самой сентиментальности, которую утаивал в трезвости. Я

лежал на кровати, как на смертном одре, весь потный, но при этом дрожащий от холода.

Вокруг собрались друзья, и каждый слушал мой спич, в котором я так трепетно восклицал о важности нашей дружбы.

Они были: растерянные, напуганные, но равнодушные. Они

слушают, не зная, что делать, но не покидают меня и остаются

рядом. Я был на грани передоза: я плакал, смеялся и безостановочно говорил. Мой вид пугал. Челюсть дёргалась.

Зубы били друг о друга. Зрачки метались туда-сюда, как у безумца.

— Я на самом деле не такой, каким кажусь, — бредил я.

— Мы понимаем, Иван.

— Я ценю вас.

— Мы тебя тоже, — сочувственно кивали они.

— Только пообещайте мне... никогда не упоминать этот день.

Я не хочу его вспоминать.

— Хорошо, не будем.

— Я люблю вас, друзья.

— Если бы не вы, я бы уже точно с ума сошёл с этими ублюдками дома. Каждый день приходится просыпаться с мыслями я снова здесь. — Слушать это тупое дерьмо, что

они

несут... Тупые твари, блядь. До чего же они меня доводят.

Они молчали.

— А теперь поднимите меня на ноги... давайте, я хочу обнять каждого.

— Ты уверен?

— Да, давайте... только не отпускайте меня.

Всё тело было ватным. Эйфория лишила меня

способности держаться на ногах. Я облокотился всем те-

лом на

дядю. Я снова замолчал, сконцентрировался. Пытался устоять

на месте, но ноги переплетались, я неуклюже переступал с одной на другую, как косолапый медведь. Мы закружились, едва не упав.

— Держишься?

— Да.

— Чего ты лыбишься-то?

30

Я хотел что-то сказать, все ждали.

Я раскрыл свою бешеную, как у собаки, пасть и начал напевать:

— Сегодня в белом танце кружимся, а-а...

Сглотнув слюну, я продолжил:

— И, может, мы с тобой подружим, а-а...

Все засмеялись, это сняло напряжение.

— Давай, Иван, танцуй, танцуй! — приговаривал Степан.

Я продолжал своё акапелла:

— Сегодня в белом танце кружимся, а-а...

Мой голос заглушал тягостную тишину. В этом пении вдруг возник тот самый миг, который называют настоящим.

Кажется, будто весь ужас происходящего растворился.

Так тот день мы и прозвали — *Белый танец*.

Всё это представление длилось часа три-четыре. Местами я ловил колпак — боялся, что это состояние никогда не пройдёт... а потом наоборот — становилось страшно, что оно когда-нибудь закончится.

Я не помню момента, когда уснул, но отчетливо помню, как под конец меня окончательно размазало. Я перестал отдавать себе какой-либо отчет. Перекатывался по кровати, вертел головой во все стороны, сжимался в клубок. Я был похож на торча или законченного психопата. Я впал в транс и

не мог контролировать ни тело, ни мысли — Меня просто швыряло по кровати, как умалишённого.

Иногда я резко замирал, словно на секунду выныривал из бреда, смотрел на Гену и Дядю безумным взглядом и спрашивал: что происходит, почему я не могу остановиться?!

31

И тут же снова проваливался обратно. Они уже не реагировали, разве что изредка бросали в мою сторону взгляд.

Страшное зрелище. Разум и тело полностью вышли из-под контроля,

подчинённые

хаотичным

импульсам

наебнувшегося четырнадцатилетнего мозга. Это продол-

жалось

пока я не вырубился.

Этот вечер изменит всё — не только для меня. Дети

столкнулись с чем-то из взрослого мира. Впервые в нашей

дружбе произошло что-то настолько откровенное. В тот

день

даже Якурилкин проронил слезу вместе со мной. Мы ста-

ли

выглядеть иначе друг для друга.

Глава 4

Утро того же дня

Утром меня пробудил знакомый шорох внутри головы.

Голос. Он звал меня встать. Мой собственный голос —

тот, что постоянно что-то обдумывает, чего-то требует, не

даёт

покоя. Темнота медленно уступила место белому, зерни-

стому

потолку, нависшему надо мной.

Я заметил, что справа от меня сопел Дядя, а слева лежал

— Гена. Я оказался между ними. Было тесно. С трудом

выбравшись из кровати, я протёр глаза. Занавески были

задвинуты, и свет почти не проникал — комната была затуманена. Босые ноги глухо ступали по холодному полу. Я отчаянно старался найти свою майку, параллельно пытаясь прийти в себя. Но мысли о случившемся отвлекали. Я

понимал, что вчера наговорил лишнего, чего бы не хотел

32

сказать. Я вспоминал, как плакал, как лез в объятия и говорил

то, что раньше утаивал. Я слишком сильно открылся — и уже

не мог оставаться прежним, ни для себя, ни для друзей. Я думал соврать всем, что всё забыл, но решил, лучше всё-таки

отказаться от этой идеи и принять всё так, как есть.

Зайдя в комнату, где спал Якурилкин, я нечаянно его разбудил. Он насторожился.

— Ты теперь нормальный?

— Да, — вяло ответил я. Ты не видел мою майку?

Он принёс мне майку, включил музыку, и мы сели на диван, ожидая, пока проснутся остальные. Слова давались тяжело. Мы смотрели в стену, почти не разговаривая, тянули время.

Ждать долго не пришлось. Первым встал Степан, потом потянулись Гена и Дядя. Все были тихие, молчаливые. Поспал я мало и выглядел довольно помятым. Вскоре после пробуждения, в совершенно неизвестном для меня мире, мне предстояло покинуть товарищей — я был записан на

приём к окулисту. Дядя вышел вместе со мной — ему нужно

было выгулять собаку.

Я часто возвращаюсь к этому фрагменту: как я еле плетусь позади Дяди, стараясь не отставать; под ногами шелестит жёлтая листва. Дует слабый, но колкий ветер, а солнце повисло совсем низко и его тусклый свет уже не согревал.

На улице было очень красиво, но насладиться этим, как обычно, я был не в состоянии. Все эмоции я потратил на наркотик — и больше у меня их не осталось.

33

Дядя смеялся, играл с собакой, что-то говорил ей, и в его движениях было столько живого тепла. Я не понимал, откуда у

него этот задор, как он вообще может хоть что-то чувствовать.

Всё заметно потускнело. Он проводил меня до остановки,

я сел

на автобус и поехал к врачу. У окулиста я выяснил, что очки

мне всё-таки необходимы.

После врача мне надо было вернуться к Степану, забрать у него вещи и поехать домой. Приближаясь к его дому, меня

донимали мысли о том, что у него ещё была трава, и что этой

самой травки осталось у него ещё много. Надежда на то, что

он предложит мне покурить, всерьёз занимала меня. Я рассчитывал, что мне хватит ума отказать, но внутренний голос уже всё знал. Я был подавлен и шёл совсем медленно, не

торопил судьбу. Стоило мне переступить порог, как он предложил посидеть у него, и сразу после того, как я согласился, он предложил мне ещё и покурить. «Да» вырвалось без колебаний. Я думал было оспорить свои же слова, но молча прошёл в его комнату. Папирос не было, пришлось курить из бумаги. Мы расселись и принялись за дело. Я кашлял, как профурсетка с полным ртом хуёв, но дело

было сделано — и в этот раз я покурил правильно.

Мы пошли заниматься всякой ерундой. Я поиграл на синтезаторе, послушали музыку, звонили на разные номе-

ра и

несли там всякую чушь. Пытались создать веселье. —

Иван, а

кто тебе нравился в детстве? — спросил Степан. Он все-

гда

задает этот вопрос и так же всегда остается без ответа.

Делать

особо было нечего, и я начал собираться на автобус, чтобы поехать домой. По неизвестной мне причине я вышел за

34

полчаса до автобуса, хотя идти до остановки было минут

пять.

Оказавшись на улице, я сразу почувствовал что-то нелад-

ное.

На тот момент я уже и забыл, что мы покурили, поэтому

никак

не мог объяснить себе эту странность. Степан распахнул

окно

и, напоследок, крикнул:

— Пока!

Я остановился и поднял голову:

— Что?

— Пока! — чуть громче.

— Чего?

— По-ка!

Я нахмурил брови и подошел совсем близко. — Что?

Степан на секунду замер, а потом расхохотался, будто я

только

что выдал лучший номер в его жизни. Он захлопнул окно

и

исчез, словно его здесь и не было вовсе. Я понял, что стою

здесь совершенно один, лицом к лицу с пустотой. В

недоумении от произошедшего, я развернулся и продол-

жил

путь.

Я начал замечать, что всё не такое, как обычно: сама

структура мироздания словно поменялась. Казалось, что

если

дождь польёт снизу вверх, это будет более логично, чем

наоборот. Особых трудностей на пути к остановке у меня

не

возникало — до того момента, как мне пришлось переход-

дить

проезжую часть. Эта чёртова дорога внушала мне страх

всерьёз. Даже когда машины были далеко, мне казалось,

что

случится непредвиденная подстава, и из ниоткуда выедет

парочка. Я долго не мог решиться перейти, всё это время

оглядываясь по сторонам с блядской коробкой под рукой.

В

конечном итоге я поборол свой страх и перебежал дорогу. Автобус не заставил себя долго ждать и буквально через пару минут приехал. Каким-то поистине удивительным образом я добрался до остановки, на которую обычно до-

ходил

за пять минут, почти за тридцать. Я зашёл внутрь и обнаружил, что он почти полностью полон — стоять особо негде, особенно с моей коробкой. Я отыскал себе местечко

по

просторнее и стал столбом прямо возле входа в автобус. Когда люди просили подвинуться, я непоколебимо продолжал стоять. Я не знал, как действовать: их просьба казалась простой, но понять её было мне не под силу. Ав-

тобус

начинал давить на меня, мысли бегали от одного к друго-

му, а

тело замерло и совсем не двигалось.

Внезапно звуки усилились — скрип, гул, тихие смешки. Холодок пробежал вдоль позвоночника, за ним волна мурашек. Внутри всё сжалось.

ПАНИКА.

Они следят за мной. Каждый был сфокусирован на мне. Взгляды пронизывали насквозь. Пассажиры автобуса искривили головы в мою сторону и разразились смехом, искажая лица в неестественные, жуткие гримасы.

Хохот отдавался эхом в голове. Воздух стал вязким.

Время явно сбавило обороты.

Мне чудилось, что в автобус зашли все мои друзья — их голоса и смех сливались в адский, пугающий хор. Я пытался

36

сделать что-то, но шею заклинило. Пересилив тяжесть, я поднял голову и в ужасе оглянулся.

Никто не смеялся. Все были отвлечены чем-то своим. Я заострил взгляд на чьём-то башмаке и старался не отрывать

его вплоть до конца поездки.

Мне пришлось выйти на пару остановок раньше. Когда женщина спросила меня, не выхожу ли я на следующей, растерявшись в изобилии возможных ответов, я решил, что проще будет выйти. Путь домой тянулся бесконечно: каждый

раз, когда я оглядывался назад, чтобы оценить, сколько уже

прошёл, не верил. В глазах мылилось, локации выглядели

незнакомыми. Я шёл и шёл, как какой-то странный путник, отшельник, которому нельзя доверять и который сам никому

не верит, лишь пытаюсь дойти до своей цели и обрести покой.

Я шёл так же упорно, как шёл Иисус, когда вёл апостолов. Вскоре я вернулся домой. Там ничего не изменилось: как прежде, горел телевизор, на кухне кто-то грел еду, и все лежали по своим углам. Я положил синтезатор, мельком глянул в зеркало — кто-то так же мельком посмотрел на меня

оттуда, и пошёл спать. Родители в моём поведении ничего не

заподозрили. Только когда я проснулся, смог наконец осознать, что всё это время был угашен.

Вот так, за один вечер и одно утро, я заработал себе зависимость. За эти выходные я дико устал и дал себе обещание больше не пробовать. Воздух был влажный, всю ночь шёл дождь, а на фоне падающих листьев шёл я, не зная, что будет дальше, но чувствуя, что настал не лучший этап

моей жизни.

переставал думать, — это о том, как я, укуренный, возвращался домой. Первый накур — лучший накур.

До сих пор мне приходит на ум один вопрос, ответ на который кажется мне очевидным, но в то же время непонятным: почему Дядя даже не предупредил меня о последствиях, почему он не упомянул о зависимости?

Глава 5

У всего есть последствия

После бурных выходных наступил понедельник, и школьникам снова пора было в школу. Если вкратце, то мне

просто было очень плохо. Я чувствовал себя так, будто больше

не живу, а лишь наблюдаю. Наблюдаю изнутри за собственным телом, которое по непонятным мне причинам

продолжало вставать, куда-то идти и упорно поддерживать

жизнь во мне — без моего участия и, кажется, без моего согласия.

В школе меня как будто поставили в центр цирка без объяснений. Вокруг мелькали люди, разыгрывали свои номера, смеялись, двигались, а я наблюдал за этим как за плохо

поставленным спектаклем, в котором не было роли для меня.

Уроки медленно пожирали, а время тянулось мучительно долго. Смех звучал странно и неуместно. Я наблюдал за друзьями, которые беззаботно бросали друг в друга мяч, и не

мог уловить смысла происходящего. Я не понимал их. Честно

38

пытался понять, но не мог — что могло быть причиной их улыбок, их смеха, их лёгкого веселья? Для них этот мир остался прежним. И я больше не находил себя в нём.

Я стал молчаливее обычного. Иногда даже не понимал — это была мысль в моей голове или я только что сказал что-то

вслух. Я думал, что окончательно сошёл с ума. Порой мне мерещилось что-то, совсем странное, едва уловимые силуэты.

Какие-то персонажи из забытых детских кошмаров. Ухудшало всё и то, что пару дней назад мы перешли в класс к Степану и ещё не успели приспособиться. До каникул

оставалась всего неделя, но я тянул её с трудом.

Настали каникулы, лишённые для меня всякого смысла.

Десять пустых дней. Почти каждый вечер, как только темнело, я выходил на улицу и шёл прямо, теми же самыми маршрутами. Рельсы, мост, дамба. На улице было холодно и одиноко. Слезы застыли где-то внутри, не в силах пробиться наружу. Всё вокруг потеряло стало чужим, и только два моих кармана оставались верными — они хранили тепло моих рук, когда мир вокруг давно остыл.

Я ходил и ходил безо всякого смысла, и лишь когда достаточно уставал, чтобы прийти домой и сразу уснуть, я возвращался. На улице царил жёлтый, почти золотой свет от фонарей, который беспощадно поглощал меня в своём унынии. И мысли — мысли, в которых я всё больше и больше утопал. От всего веяло тоской, — повторяюсь я в очередной раз. Ни в чём и нигде, я не находил убежища от червя внутри.

Я чувствовал настоящее очень отчётливо — каждым волоском на теле ощущал, как скользит каждая секунда.

Иногда на пути попадались дети. Я смотрел на них и думал о собственном детстве. Может быть, и они когда-нибудь

попробуют то, чего лучше не стоит. Бывало, я садился где-нибудь и делал записи в дневник — становилось чуть легче, свободнее. Я всё ещё оставался безэмоциональным и уже не пытался реабилитироваться, мне казалось, это невозможно.

Есть такие моменты в жизни, которые навсегда остаются только с тобой, только для тебя они будут важны, и пытаться

рассказать о них кому-то так же беспомощно, как пытаться

объяснить, какой чудной сон ты видел. Это и делает нас одинокими. Мои ночные прогулки принадлежали только мне: они умрут вместе со мной. Никто больше не пройдёт той

дорогой, которая жила только в моей памяти, и никто никогда

не разделит ту горечь и тоску, что я чувствовал.

Так проходил день за днем, все каникулы. Иногда думал, может, попробовать ещё раз, но понимал всю отчаянность этой

идеи. И всё же в этих прогулках было что-то. Это дало свои

плоды и оказало некий лечебный эффект: мне начинало становиться легче. Жизнь начала вновь обретать краски,

хоть и

не такие яркие, как раньше, я снова мог наслаждаться красотой

природы. И с появлением красок в моей жизни начали возвращаться и эмоции. Отходники отступили, но последствия

всё равно никуда не делись.

У меня появилась зависимость. Она была только психологическая, но очень давила на меня. То, что сводило

меня с ума, теперь вспоминалось как ласковое прикосновение

ангелов: дрожащая челюсть, атрофированное от эйфории тело, скомканность разума и безудержная любовь. Не свойственная

40

трезвому мне раскрепощённость и безразличие. Ни один день

больше не обходился без мысли или желания повторить этот

опыт. Я знал, что это состояние не забыть за миллион жизней.

Может, это было единственное интересное, что в моей жизни случилось. Казалось именно так. Хотелось исследовать этот новый мир, многое попробовать в нем. У меня появилась извечная и всепоглощающая страсть — мысль, что позже и вовсе отождествится со мной, станет мной. Это был момент отсчёта, с того дня всё стало меняться.

Глава 6

Всё то же место

Все та же квартира, пятый этаж. На столе, покрытом белой чистой скатертью, лежат раскрытый ноутбук, бутылка воды и сигарета, дымящаяся в кружке вместо пепельницы. Этот манящий запах табака. Затянувшись, наш герой приостанавливает печатать. Мысли постоянно лезут в голову, и одна из тех хаотичных заставляет его призадуматься кое о чём. Он курит не так давно, но уже понимает, что бросить эту вредную привычку будет нелегко. А ведь и его дед по отцовской линии, и бабушка по материнской умерли от

рака

лёгких. Не хотелось бы ему умереть такой же участью. Но жизнь без сигарет представить он не может — уж слишком он

устал. Сделав ещё одну затяжку, он призадумался о своём деде, который курил с семи лет и прожил до восьмидесяти

41

одного года. Слишком долгая жизнь для нашего героя — такой не вынести.

Задумавшись над всем этим в очередной раз, герой медленно потянул сигарету к пересохшим губам и затянулся

— сладкий вкус горечи.

Как бы сложилась его жизнь, если бы он не совершил эту ошибку. И если бы он не попробовал тогда, всё равно рано или

поздно такая участь настигла бы его. Наш герой понимает, что

даже если бы ему дали шанс вернуться в прошлое и попытаться переубедить себя, объяснить, что это глупо и не

стоит того, он бы не смог этого сделать — слишком ему хотелось новых ощущений. И эти коварные мысли

преследовали его с самого детства. Печальная улыбка проскользнула на лице — ведь он попробовал вещества раньше, чем затянул свою первую сигарету.

Размышляя над трагедией своей жизни, он докурил сигарету и, немного подержав бычок в руках, бросил его

на

дно кружки, где уже лежали остальные бычки и старый пепел.

Оглядевшись вокруг, ему на глаза попала акустическая гитара — когда-то он купил её, чтобы писать музыку, когда-то

стремился стать музыкантом, но всё это уже в прошлом, хотя

мысли об этом продолжают посещать его.

Взяв кружку в руки, он пошёл на кухню, чтобы стряхнуть пепел. Стряхивая пепел в мусорник, он сам того не заметил, как случайно рассыпал часть мимо ведра. Взяв совок и щётку, он начал подметать, погрузившись ещё глубже в мрак своих

мыслей. Он делал всё неторопливо, смотря в одну точку.

Снова стряхнув мусор в ведро, он засмотрелся на пакет...

Этот

42

грязный мусорный пакет. Что он здесь вообще делает?

Что я

тут вообще делаю? Всё это так неуместно. Я живу ради того

момента, когда смогу набраться храбрости, чтобы плюнуть на

всё и просто утонуть в изобилии веществ.

Вернувшись, он посчитал оставшиеся сигареты и принял решение растянуть удовольствие ещё на пару дней. Отложив

пачку в сторону, немного погодя, он начал печатать название

следующей главы.

Глава 7

График

Казалось бы, я попробовал наркотик, приобрёл зависимость, и вроде как жизнь должна была пойти под откос: Я должен был всё больше и больше употреблять, деградировать и скатываться туда, откуда уже нет выхода. Но у судьбы были на меня другие планы, да и я не был готов сдаваться так рано, поэтому решил стать лучше.

Я начал свой путь к мечте, цели — я наконец-таки встал с дивана. Множество раз я пытался побороть свою лень, как и многие люди. И, как у многих, все эти разы не увенчались

успехом, я чувствовал перед собой вину за бездействие.

Моё

это и самомнение шли вразрез с моими действиями, и я не собирался терпеть это более.

Я почувствовал себя дерьмом, причём дерьмом низшего сорта. Такое дерьмо может появиться на свет вследствие

не

лучшего сочетания продуктов. И я был как раз подобным

43

фекалием: бесформенным, жидким и слабым. Экстази заставил

меня почувствовать себя так, и мне не хотелось с этим мириться — я хотел всё поменять, мне хотелось стать лучше, сильнее и, безусловно, крепче. Я хотел стать человеком.

Так

начался мой путь.

А началось всё с того, что во время моих прогулок я стал уделять время спорту, начал периодически заглядывать на турники. Со временем это вошло в привычку, а позже да-

же в

очередную зависимость. Я понял, что уже ввёл в свою

жизнь

что-то полезное и решил не останавливаться. Если стано-

виться

лучше, то лучше во всём. Я стал уделять время литературе, старался читать перед сном. И занялся английским.

Ну и, конечно, то, с чем я хотел связать свою жизнь, — музыка. Я не всегда мечтал стать музыкантом; это желание

пришло ко мне внезапно. Я хорошо помню день, когда во мне

впервые зародилась эта страсть. Я листал ленту Ютуба, и вдруг наткнулся на видео: какой-то крутой чёрный мужик в

классном чёрном костюме сидит за роскошным чёрным роялем и играет чертовски хорошую песню. Это был Рэй Чарльз. Он играл *Hit the Road Jack*.

Именно тогда я впервые понял, как должна звучать настоящая музыка, и как она может бушевать внутри человека.

У меня появилась мечта, страсть, огонёк, пылающий в груди.

У меня появилось то, ради чего я вставал по утрам. Я начал

жадно слушать всё подряд: джаз, блюз, соул, рок, кантри, регги. От Рэя Чарльза и Фэтса Уоллера до Джонни Кэша и Боба Марли. Хотел узнать историю каждого, услышать каждую песню, вникнуть в каждое слово. Наконец, и музыка

стала для меня привычкой, ежедневно я играл на пианино, учась по видеороликам из Ютуба. Каждый день я сидел по два

часа за инструментом и усердно стучал по клавишам, разучивая песни, и попутно стараясь вникать в теорию. Мечта управляла мной. Впервые у меня появилось дело в жизни, теперь, когда меня спрашивали, чем я занимаюсь, я мог им сказать. Я сам не заметил, как постепенно, за несколько недель, все эти действия стали неотъемлемой частью меня.

Каждый мой день уже не обходился без них.

Так появился он — график. В заметках на телефоне я сделал расписание: выписал все дела, которые обязан был выполнить за день. Английский, спорт, пианино. Изю

в

день, без выходных и поблажек. Неважно, насколько я устал

— я должен был отыграть свои часы. Неважно, какая погода

— метель или ливень, я выходил и занимался спортом.

Когда я

пропускал какой-либо пункт или выполнял его не так идеально, как хотелось бы, у меня появлялось чувство вины.

И так — день за днём, неделя за неделей, осень, зима, весна. Каждый раз, приходя со школы, я знал: впереди ещё несколько часов работы. А когда ложился спать, засыпал без лишних мыслей.

Культ саморазвития. Самосовершенствование. Мне казалось странным ничего не делать и молча просирать свою жизнь. Я презирал тех, кто ничего не делает, и считал себя лучше. Я всегда чрезмерно любил себя, даже когда любить было не за что. Я возомнил, что моё стремление к чему-то наградило меня благородством и возвысило. Это был чистый снобизм, так порицаемый мной, но я его не замечал. Я жил по

45

принципу: «Сделай всё, что нужно в этом дне, и съеби из него подальше». Но со временем, мне пришло осознание простой, но беспрекословной истины: сри в одну руку, мечтай в другую, затем посмотри, какая быстрее наполнится. Как вам такая парадигма мышления?
График, который я создал, чтобы стать лучше, в итоге

сделал только хуже. Каждый мой день был как копия предыдущего. Чувство дежавю преследовало меня и не давало

покоя.

Всё было не реально, я путал жизнь со сном. Иногда мне прямо виделось, как создатели этой дешёвой матрицы сидят

где-то там и ржут, наблюдая, как мы ещё и сомневаемся — реально всё это или нет. Казалось, что роман Джека Лондона

Мартин Иден был вовсе не про Мартина, а про меня. Я должен стать музыкантом. Иначе — никем.

Но время шло. И оно шло не просто так. Я знал: настанет момент, когда я снова употреблю. Я не собирался так просто

забывать те высокие чувства, которые позволяли мне парить, словно птице в небесах.

В голове у меня была чёткая дата — летом. До лета ни капли, ни грамма. Я должен был заслужить этот кайф. Всё остальное время казалось серым и скучным. Единственное, чем я жил, были воспоминания о двух днях, когда я попробовал вещество. Я грезил о следующем разе, о том, как

снова окажусь в том мире.

В ожидании лета я пахал над собой. И как итог всех моих стараний — я сравнительно неплохо улучшил англий-

ский, подтянул своё тело и стал готов писать свою музыку.
Лето...

46

ох, я ждал этого чудного мгновения достаточно долго, я
был

очень терпелив. Думал, уж не дотяну до лета — помру от
чего-нибудь. Лето для меня было оазисом среди бескрайних
просторов пустыни. Как глоток воды после стокилометро-
вого

марафона. Но чем ближе оно было, тем яснее я понимал: я
сделал лето своим смыслом жизни. И когда оно пришло —
смысл вдруг исчез. В моих представлениях летом должно
было стать всё хорошо, но лучше себя чувствовать я так
и не

стал.

Я стал управлять своей жизнью, контролировал всё, что
происходит со мной и вокруг меня. Я пришёл к тому, к
чему

стремился, но ничего так и не поменялось — я всё ещё
чувствовал себя так же, как раньше. В душе, как прежде,
брешь. Рана едва ли обросла. Целых восемь месяцев, почти
год, я жил ожиданием, и все это время я оставался чи-
стым, не

позволяя себе лишний раз побездельничать. Экзистенци-

альная

пустота. Меня словно обманули, я был тем обманщиком,
но
вот правда вскрылась — и как с ней жить, где искать ори-
ентир.

Лето виделось мне концом, но послужило началом.
Стартовало оно слабо, но то, что случилось дальше... эти
воспоминания я храню в самых тёплых и укромных угол-
ках
моей вселюбящей души.

47

Глава 8

Под мостом

Весна. Середина марта. Впервые за долгое время солнце
не просто светит, но и приятно греет тот участок тела, ку-
да
ложатся его лучи. Каждую весну жизнь начинается заново.

Вместе с природой расцветает и душа человека.
Стаи птиц постепенно возвращаются обратно. Темнеет
заметно позже. Почки на деревьях ещё не распустились,
но в
воздухе уже витает едва уловимый аромат весны. Погода

СТОИТ

ясная, и лишь лёгкий ветерок изредка напоминает о себе:

ОН

слегка треплет волосы, даря чувство свободы и отрешённости.

Где-то под мостом, возле речки, находятся наш главный герой и его хороший друг. Они смотрят на солнечные блики, сверкающие на воде, такие яркие и живые, что невозможно

отвести взгляд. Вокруг тишина, и лишь шум проезжающих

машин, над ними, изредка, нарушает твое спокойствие.

Здесь, в окружении природы, кажется, что все проблемы остались где-то там, далеко. Спокойствие постепенно берёт

верх над другими эмоциями, и ты начинаешь ощущать то самое умиротворение, которого так не хватает в повседневности. Покуривая одну сигарету на двоих, они разговаривают о всяком, особо не углубляясь в философию.

Их рюкзаки лежат рядом, не утруждая спины лишним напряжением. Они пришли сюда сразу после школы без какой-то определённой цели.

Прилипшая к чему-то жестяная банка на мосту немного колышется от ветра, привлекая внимание сразу обоих. Они

подбирают камни, которые лежат прямо под ними, с целью —

если не сбить, то хотя бы попасть в неё. Камни всё летят и летят, иногда попадая в жестянку; темы разговора давно сменились, а сбить банку так и не удалось. Это медитативное

занятие помогает отвлечься от всего, что накопилось.

— Пусть висит, — сказал я. — Мы ещё вернёмся за ней.

— Пора перекурить, — заметил Степан.

— Верно подмечено, — согласился я.

Оставив эту с самого начала малоуспешную затею, они уселись на бетон. Степан достал сигарету, прикурил и протянул мне.

— Скоро лето, но я его вообще не жду. Ни желанья, ни настроения. Да, и вместе с летом экзамены придут, — сказал я, затянувшись.

— Да, прошлое лето было незабываемым. Особенно последний месяц... Такое лето должно разок случиться у каждого, — ответил он.

— Прошлым летом мы на славу повеселились, — добавил я. — Только вот боюсь, этим не вышло чего похуже.

Я

передал
Степану
сигарету,

и
задумался.

— Думаю, надо будет всё же бросить курить.

Я посмотрел на него с улыбкой. Он ухмыльнулся в ответ

и
добавил:

— Не, ну серьёзно. Я уже устал курить.

Мы замолчали. Прислушавшись к птичкам.

— Так чё, — нарушил тишину Степан, — кто тебе в
детстве нравился? Достал, когда уже расскажешь?

49

Я усмехнулся. Извечный вопрос Степана. Он пытался
узнать это сотни раз, но безуспешно. Даже когда я был
убит в

сиську, всё равно держал эту тайну при себе.

— Ой, не знаю, Стёпа... А ты как думаешь?

— Не, ну ты скажешь уже? Сколько можно?

Я улыбнулся шире:

— Перед смертью, если не забуду, то обязательно расска-
жу
тебе.

— Понятно всё с тобой.

Степан докурил сигарету и бросил бычок в сторону. Мы ещё немного поговорили, пока не разошлись.

Я решил упомянуть этот отрывок из моей жизни, наверное, потому что он очень отдаёт какой-то странной и знакомо-приятной мне атмосферой. Жить становится легче, когда происходит что-то такое бессмысленное и спокойное, вроде этого случая.

К слову, спустя чуть больше года мы снова сидели под мостом, и банка всё ещё была там, но в этот раз я пошёл до конца и сорвал её оттуда.

Часть 2. Безумное лето

*По новой — Работяга — Встреча с богиней —
Странная Мисс-Н — Квартира бабки — Нарушение
правила — Черрик — Потерянный раз и навсегда —
Новая дружба, старые друзья — Уикенд — Джо —
Жгут — Кислотные ночи — Море — Безумие — Чрево
кита*

50

Глава 1

С чистого листа

Эта часть моей книги будет посвящена скорее нетрезвым моментам моей жизни, нежели прошлая. Мне казалось,

что я

уже отлично понимал, что такое наркотики, но на деле я только начинал знакомство с ними. Я прекрасно помню, как

впервые сорвался — вернее, это лучше назвать по-другому, ведь тогда я не сорвался, я просто решил, что можно позволить

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.